

Актер Анатолий Равикович — в интервью «Газете»

«Кино использует то, что ты уже сделал в театре»

Народному артисту РФ Анатолию Равиковичу исполняется 70 лет. Актер яркого разнопланового дарования сыграл десятки ролей в театре и кино, но самый любимый зрителями персонаж был и есть Хоботов из фильма «Покровские ворота». С юбилеем для «Газеты» побеседовала Александра Гоганова.

Как вы думаете, сейчас коммуналка вызывает у людей хорошие или плохие ассоциации?
У меня коммуналка никогда позитивных ассоциаций не вызывала! Это самое худшее, что может быть в жизни. Просто в кино показывают небывалые случаи. В коммуналках люди грызлись. Если пять жильцов, то, значит, будет пять счетчиков, а в сортире пять выключателей, потому что, соответственно, пять лампочек. Вот нормальная коммуналка. Страшное дело — одна раковина на всех, в которой какая-то чужая тетка вечно чистит селедку. Бесконечная ругань из-за того, чей столик ближе к окну — «Подвиньтесь, у вас и так...», ругань из-за дежурства, кто будет мыть полы в общих местах. А коммуналка в «Покровских воротах» — это какой-то идеальный случай, но и у них есть конфликты. Это напрасная идеализация коммуналок. Люди не должны так жить.

Как роль Льва Евгеньевича Хоботова потом «аукалась» в ваших ролях в театре и в кино?
В театре никак не «аукалась». Дело в том, что когда я снимался в роли Хоботова, то был уже известным театральным артистом. У меня было довольно хорошее положение в театре, я играл много ведущих ролей, в театре меня любили. А что касается кино, то, конечно, мое появление на экране имело очень большое значение. Но не сразу, а года через два после премьеры «Покровских ворот» меня стали звать в кино. Причем, как это всегда в кино бывает, зва-

ли меня на разные варианты Хоботова, только меньшие по масштабу: Хоботов-француз, Хоботов-белорус, Хоботов-стоматолог, Хоботов-гинеколог, Хоботов-мафиози и так далее. И только спустя некоторое время, в 1988-м, я сыграл большую роль не-Хоботова. Это была роль Эркюля Пуаро в фильме «Загадка Эндхауза», которую я полюбил именно потому, что она дала мне возможность проявить себя в другом качестве. Конечно, «Покровские ворота» были для меня действительно открытыми воротами в кинематограф. Но я считаю, что сыграл только еще эпизод в фильме Элема Климова «Агония», и более ничего серьезного у меня не было в кинематографе.

Вы поэтому не любите кино?

Я не люблю кино, потому что оно использует только то, что ты уже сделал в театре. Кино — для меня, во всяком случае, — не творческая работа. Ну какое может быть творчество, если ты приходишь на съемки, тебе дают текст, или дали его вчера, и ты его выучиваешь здесь же, а потом играешь три-четыре дубля. Творческая работа — это когда ты месяца два ищешь характер, пытаешься пробоовать один, потом другой вариант. В кино этого репетиционного процесса нет, там невозможно ничего искать. Это очень тяжелая работа.

Одна из ваших лучших театральных ролей, роль Мармеладова, — трагедийная. Каким у вас получился этот герой?
Это жалкий человек, который говорит, что весь его мир в расписочной. Он сидит и жалуется Раскольникову, какой он несчастный и какой он подлец, как он себя ругает страшно, а за всем этим какое-то мазохистское удовольствие жалеть себя. На самом деле он чувствует себя абсолютно правым, он очень любит себя. Я не играл к нему сочувствия. Моя позиция: он раскаивается неискренне. Я и в жизни встре-

чал таких людей. Позиция раскаивания им очень удобна в жизни, потому что их жалеют, дают на выпивку, можно бесконечно брать у друзей в долг и не отдавать, все время каяться и не отдавать и быть, таким образом, паразитом.

Какие роли вам интереснее: трагедийные или комедийные?

Я люблю персонажей, с которыми на сцене происходят какие-то потрясения, — они могут быть драматическими, комическими или трагическими. Главное, чтобы сама природа человека была захвачена этим событием. У Станиславского говорится, что существование человека можно описать в десятиградусной шкале. Ритм первый — это когда человек спит, второй — когда просыпается и потихонечку, зевая, начинает жить. И я в этой шкале, условно говоря, люблю существовать начиная с семи часов вечера.

Анатолий Юрьевич, вы много работали с Алисой Фрейндлих, властной женщиной. И работали с актрисой Ириной Мазуркевич, ныне вашей супругой, которая играла Малыша в «Малыше и Карлсоне». Такие противоположные характеры, как у Маргариты Павловны и Людочки в «Покровских воротах». С кем было легче работать?

Хорошо работалось с обеими. Ирина Мазуркевич — очень искренняя, эмоциональная актриса. Может быть, в те годы, когда мы с ней играли «Малыша и Карлсона», ей не хватало актерской техники, но она брала своей удивительной непосредственностью и обаянием. Обе делали мне замечания, потому что и Алиса Фрейндлих очень строгая актриса, и Ирина — не менее. Вообще мне было даже несколько обидно: Ирина меня в два раза моложе, а тоже делает замечания, что здесь я недоиграл, а здесь забыл и сделал по-другому. Конечно,

АНАТОЛИЙ РАВИКОВИЧ — ЛЮБИМЫЙ ВСЕМИ ХОБОТОВ ИЗ ФИЛЬМА «ПОКРОВСКИЕ ВОРОТА»

обиднее было выслушивать это от актрисы Мазуркевич, чем от Алисы Бруновны.

Вы сейчас много работаете в Москве, а в петербургском Театре комедии у вас всего пара ролей. Вы замечаете разницу между московскими и петербургскими театрами?
У всех одна и та же школа — школа Станиславского. Москов-

ский зритель более отзывчивый, чем питерский, — это точно могу сказать. Он более щедр на улыбку, на аплодисменты, на слезы. Питерский более строг: «А ну-ка, покажите, что вы нам приготовили». Такой менталитет. Москва все-таки, как ни крути, более демократична, купеческие традиции — в отличие от дворянско-чиновничьей культуры Питера. **ГАЗЕТА**

24-12-06
Равикович. Анастасия Гоганова